

НЕ КОРАДОВАТЬ

# Русскія народныя Сказки



Томъ II.



## Кривая вѣдьма.



илъ-былъ на селѣ мужикъ-бобыль, и задумалъ онъ жениться.  
„Что, —думаетъ,—за жизнь моя такая,—бейся въ работѣ одинъ-  
одинешенекъ, какъ знаешь. А будетъ у меня жена въ  
домѣ, станетъ работу справлять,—все же мнѣ легче будетъ!..“ Ну,  
вотъ, подумалъ, погадалъ, да и женился. И попалась ему жена и со-  
бой-то невидная, и кривая, да вдобавокъ ко всему—еще и лѣнивая.

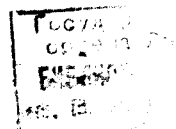
Онъ ее работать заставляетъ,—а она отъ работы отнѣживается; онъ  
ей говорить начнетъ,—она будто и въ толкъ ничего не беретъ. Ни хлѣ-  
бовъ не поставитъ, ни обѣда не сготовитъ, ни одежды не починитъ,  
ни избы не приберетъ,—вотъ какая хозяйка!..

Вотъ какъ-то мужъ ей и говоритъ:

— Слышь-ка, жена, ты хоть бы прастъ сѣла, коли ничего другого  
дѣлать не хочешь.

— Ладно, что жъ,—говоритъ жена,—къ этому дѣлу у меня сызмаль-  
ства охота была! Только ты сперва сходи въ лѣсъ да вырѣжи мнѣ  
мотовило.

Мужикъ-то на радостяхъ, что жена его къ дѣлу приспособится,  
скорешенько собрался въ лѣсъ мотовило вырубать. А жена ужъ и испу-  
галась, что мужъ мотовило вырубить, принесетъ домой и заставитъ ее



Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.  
МОСКВА.—1912.

работать. Побѣжала она другой дорогой въ лѣсъ впередъ мужика, притаилась за деревомъ и ждетъ мужика. Вотъ приходитъ мужикъ въ лѣсъ, выбралъ деревцо и только тяпнулъ топоромъ разокъ-другой, — какъ заплакала его жена, застонала и говоритъ ему глухимъ голосомъ:

„Не сѣки меня, мужикъ, на мотовило,  
А не то твоя жена умретъ!..“

Услыхалъ это мужикъ, подивился и топоръ опустилъ. „Что жъ это такое, неужели мнѣ жены лишиться изъ-за мотовила? А жена-то ужъ и за умъ взялась, на работу, слышь, ее потянуло!.. Нѣтъ, не стану я мотовило вырубать. Незамай, жена за другую какую-нибудь работу примется!..“

Заложилъ мужикъ топоръ за поясъ и пошелъ домой. А жена опять опередила его, окольными путями пробралась домой и встрѣчаетъ мужа.

— Ну, что, муженекъ,—спрашиваетъ,—принесъ мотовило?

— Куда тамъ,—говоритъ мужикъ,—только, было, сталъ я дерево рубить, слышу вдругъ, словно какой-то тайный голосъ говоритъ, что ежели я дерево срублю, такъ ты помрешь. Ну, мнѣ и стало жаль тебя!..

— Охъ, муженекъ,—говоритъ жена,—не слушай ты этого голоса, а пойдика наутро опять въ лѣсъ и выруби мнѣ мотовило!..

Пошелъ мужъ наутро въ лѣсъ, а жена, какъ и наканунѣ, забѣжала впередъ его, спряталась за деревомъ, и только мужикъ разъ-другой по дереву топоромъ ударилъ, она и застонала.

— Ой, мужикъ, не руби дерево, не вырѣзай мотовила,—не то жена твоя умретъ!

И опять на мужика раздумье нашло.

„Не стану я мотовила вырѣзать,—думаетъ,—жаль будетъ, ежели жена у меня умретъ, ишь, она у меня какая на работу ретивая: и смерти не боится,—на работу рвется.“

Такъ ни съ чѣмъ и вернулся мужикъ домой. А жена прежде его окольными путями домой забѣжала, вышла ему навстрѣчу, да и спрашиваетъ:

— Ну, что, муженекъ, вырѣзалъ мотовило-то?..

— Нѣтъ, жена,—говоритъ мужикъ,—опять меня тотъ же голосъ упреждалъ, что коли я вырѣжу мотовило, такъ ты умрешь. Ну, мнѣ тебя и стало жаль,—я и не сталъ мотовила вырѣзать.

— Охъ, муженекъ!—говоритъ хитрая жена,—не слушай ты этого голоса, сдѣлай милость, выруби ты мнѣ мотовило. Ужъ очень на работу меня позываетъ,—хоть и умереть, да поработать.

„Ну,—подумалъ мужикъ,—жаль жену изобидѣть: одна у нея отрада—поработать всласть; не хочу я ей быть помѣхой въ такомъ дѣлѣ. Вонъ она говоритъ,—хоть бы и умереть, да поработать!.. Ладно, будь, что будетъ, а завтра поутру я ей мотовило вырѣжу!..“

На третій день пошелъ мужикъ снова въ лѣсъ, а баба забѣжала впередъ, сѣла за кустомъ, и только, было, онъ взмахнулъ топоромъ, какъ жена изъ-за куста и давай его пугать:

— Ой, не руби, мужикъ, дерева, не то жена у тебя умретъ!..

— Ну,—говоритъ мужикъ,—что жъ теперь дѣлать, ежели ей такъ ужъ хочется работать, что и смерть не страшна. Видно, такая доля ей на роду написана.

И какъ его баба ни молила, какъ ни просила не рубить дерева,—не послушался ея мужикъ, вырубилъ мотовило и понесъ домой..

Нечего дѣлать, опять забѣжала баба впередъ домой, встрѣчаетъ мужа.

— Ну, что, принесъ, муженекъ?..

— Принесъ, женушка!.. Принесъ, вотъ какое славное мотовило!..

— Ну, слава тебѣ Господи, хоть поработаю!..—говоритъ жена, а сама про себя думаетъ: „Хоть бы провалился ты съ своимъ мотовиломъ. Да постой, дай срокъ, я тебя обморочу!..“

— Ну, хозяйка,—говоритъ мужикъ,—теперь только садись да пряди. Снасть у тебя есть!..

— Ладно, соколикъ!..

Мужикъ на работу пошелъ, а жена сѣла прастъ,—да больно ужъ ей тошно работать, такъ все изъ рукъ само собой и валится. Вотъ она напряла немного, а потомъ большой чугунъ поставила въ печь,

налила воды, положила туда кудели чуть не до краевъ, а сверху прикрыла тряпицей.

Пришелъ мужикъ домой послѣ работы.

— Ну, что, хозяйка, много напярала?..

— Вонъ, цѣлый чугунокъ доверху...

Похвалилъ мужикъ жену, а она ему и говорить:

— Вотъ что, муженекъ, я весь день работала, спины не разгибала, и теперь до смерти спать хочется. А я вонъ пряжу вывариться поставила; посиди, родной, присмотри за чугуномъ. Не давай водѣ закипать: чуть мало-мало булькать начнетъ, ты сейчасъ первымъ дѣломъ чугунокъ съ огня составь, а то вся моя пряжа разварится, и опять кудель будетъ... А мнѣ ужъ и моченьки нѣтъ.

— Ладно,—говоритъ мужикъ,—ложись, ужъ я-то укараулю.

Легла баба на печь, а мужикъ присѣлъ около чугуна, и давай носомъ клевать, потому за день работы сильно умаялся.

Баба-то не дремала,—какъ увидала она, что мужикъ заснулъ, она доскорѣй съ печи слѣзла, расплескала воду изъ чугуна и будить мужика.

— Вставай!—кричитъ.—Ахъ, ты, такой-сякой!.. Ахъ, ты, ротозѣй!.. Разбойникъ ты этакій!.. Что ты надѣлалъ?! Часу единаго посидѣть не могъ, за огнемъ присмотрѣть!.. Глянь-ка, полюбуйся, что ты надѣлалъ. Я весь день, спины не разгибаючи, работала, а теперь вся пряжа развалилась, и осталась одна кудель. Вонъ только сверху еще пряжи самая малость цѣлехонька осталась!.. Вотъ я тебя мотовиломъ-то!..

Мужикъ видитъ, что онъ провинился, да и говоритъ:

— Да ладно ужъ!.. Чего тамъ!.. Не гнѣвись!.. Прахъ ее поberi, пряжу твою!..

Ну, съ тѣхъ поръ мужикъ о пряжѣ и не заикался женѣ, а той только того и надо.

Вотъ приходитъ Свѣтлый праздникъ, мужикъ и говоритъ:

— Жена, а жена!.. Ты бы мнѣ одежонку, какую ни на есть, справила. А то, ишь, я весь пообносился, — къ празднику-то и обрядить нечего!..

— Ладно, хозяинъ,—говоритъ жена,—прости, Бога ради, что не досмотрѣла за работой-то. Да не печалься,—я тебѣ духомъ одежду справлю, да такую, какой никто и не нашивалъ...

Мужикъ обрадовался, а жена его обмазала всего дегтемъ, заколола курицу да пѣтуха, ошипала ихъ и вываляла мужика съ ногъ до головы въ перьяхъ.

Пришелъ мужикъ въ церковь, а всѣ отъ него сторонятся, во всѣ глаза на него смотрятъ да дивуются,—что-де за пугало такое огородное въ церковь пришло?..

Сунулся, было, мужикъ въ толпу,—угодилъ на свѣчу: вспыхнули на мужикѣ перья и одежда,—загорѣлся мужикъ съ головы до ногъ и свѣту не взвидѣлъ, побѣжалъ домой, что есть духу,—только пятки сверкаютъ. Прибѣжалъ мужикъ домой и накинулся на бабу:

— Что ты со мной, такая-сякая, надѣлала?.. Меня въ церкви всѣ сторонятся. А свѣчка подвернулась,—я весь обгорѣлъ. Ну, постой же ты, попомнишь меня!..

И задумалъ мужикъ бабу извести. Да баба сама хитра,—кого хочешь обморочить. Думалъ-думалъ мужикъ и надумалъ, что ему сдѣлать.

Пошелъ на рѣку, перекинулъ съ берега на берегъ двѣ дощечки—одну-то крѣпенькую, а другую гнилую.

„Вотъ,—думаетъ,—станемъ мы черезъ рѣку перебираться, я и скажу ей,—не ходи по гнилой, провалишься. А баба все насмѣхъ дѣлаетъ, пойдетъ непременно по гнилой дощечкѣ,—тутъ она въ рѣку и загремитъ!..“

Какъ надумалъ онъ, такъ и сдѣлалъ.

— Вотъ,—говоритъ онъ женѣ,—не ходи, баба, по этой дощечкѣ, она гнилая... неровень часъ,—подломится подъ тобой...

А баба и пошла по гнилой доскѣ, идетъ да дразнится:

— А вотъ и пойду... А вотъ и пойду по гнилой доскѣ!.. Что ты со мной сдѣлаешь?..

И только сказала, провалилась подъ ней дощечка,—она и упала въ воду...

Вернулся мужикъ домой, а въ избѣ-то пусто да жутко. Ему и стало жаль своей бабы. „Эхъ,—думаетъ,—напрасно это я ее извести



хотѣлъ!.. Семъ-ка, привяжу я зыбку къ веревкѣ, закину зыбку въ рѣчку,—можетъ статься, и выловлю свою бабу. Незамай, она со мной живетъ, а то больно ужъ скучно одному-то“...

Ну, вотъ взялъ онъ зыбку, привязалъ къ ней веревку, которая покрѣпче, и закинулъ зыбку въ рѣчку, а самъ идетъ по берегу и зыбку за собой волочить. Только и чувствуетъ вдругъ, что попало что-то въ зыбку, потому что сразу тяжело стало тащить, словно грузъ какой въ зыбку попалъ.

„Никакъ, баба моя въ зыбку-то угодила, — подумалъ мужикъ, — ишь ты, добро какое, и въ водѣ не тонетъ!..“ Вытащилъ зыбку, глядь, а тамъ вмѣсто бабы нечистая сила сидитъ, сама кикимора!..

— Тфу ты, пакость какая!—говоритъ мужикъ и хотѣлъ, было, кикимору въ рѣчку выкинуть, да та, что есть силы, уцѣпилась за него, держится крѣпко-на-крѣпко, и сама слезно его молить-просить:

— Батюшка!.. Родимый мой!.. Не кидай меня въ рѣчку... Просто житья мнѣ тамъ не стало отъ твоей жены... Какъ попала она въ наше царство, такъ все у насъ перекутила и меня чуть со свѣту не сжила... Сдѣлай милость, спаси ты меня, избавь отъ злого человѣка. А я за то тебя награжу!..

— Вонъ оно дѣло-то какое!..—сказалъ мужикъ.—Ну, ладно, коли такъ. Оставайся на землѣ. А чѣмъ же ты меня наградишь за это?

И говоритъ ему кикимора:

— За великое твое добро и я тебѣ добро сдѣлаю. Пойдемъ вмѣстѣ въ городъ. Я стану въ богатые дома забираться, стану посуду портить, въ черепья бить, ссорить всѣхъ да мутить? А ты какъ прослышишь о томъ, иди въ этотъ домъ и говори: „Что вы мнѣ дадите, я васъ отъ нечистой силы избавлю!..“ А какъ сторгуешься съ ними, только крикни: „Я въ домъ, — кикимора изъ дому вонъ!..“ Я сейчасъ же и убѣгу оттуда и въ другія хоромы переберусь!..

— Ладно,—говоритъ мужикъ,—это дѣло не больно хитрое—тебя выгонять!..

Вотъ и пошли они въ городъ,—кикимора и давай по богатымъ домамъ гулять...

Заберется въ домъ,—ничѣмъ ты ее не выгонишь. А она и посуду портить, и въ черепья ее бьетъ, и всюду безчинствуетъ, добрыхъ лю-

